

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1

ИМЕННОЙ СВЕРХТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. НАБОКОВА. СТАТЬЯ 3: ТОЛСТОВСКИЙ ТЕКСТ

Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru; linashmigelskaya@gmail.com*

В фокусе исследования находится именной сверхтекст в творчестве русско-американского писателя В. В. Набокова, отличающийся многоликостью, вариативностью текстовых репрезентаций и полифункциональной направленностью. Цель предлагаемой работы – выявление и систематизация особенностей построения персонального текста о Л. Н. Толстом как одном из важнейших действующих лиц мировой классической литературы. Научная новизна обусловлена тем, что осмысление литературных связей Толстого и Набокова посредством выявления ассоциативно-смыслового сверхтекста в концепированном пространстве последнего осуществляется впервые. Поскольку в предыдущих работах, составляющих цикл, уже обозначились две полярно противоположные для Набокова личности (А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский), в настоящей статье предпринимается попытка описания индивидуально-поэтической локализации Л. Н. Толстого с использованием структурно-семантического анализа биографических мифологем и их реализации в произведениях.

Ключевые слова: биографический миф, персональный сверхтекст, Толстовский текст, сакрализация, ирония, набоковский дискурс.

ВВЕДЕНИЕ

В первой статье цикла [2] мы рассмотрели ряд теоретических исследований, направленных на обоснование литературоведческого понятия «сверхтекст», обособление его в сфере других меж-, над- или внутритекстовых категорий, классификацию и типологизацию, а также представили собственные научные изыскания, нацеленные на характеристику именного сверхтекста об А. С. Пушкине в поэтических и прозаических текстах В. В. Набокова. Во второй статье цикла [3] внимание было обращено на текстовое единство, центральным концептуализированным образом которого явился Ф. М. Достоевский.

Вне всяких сомнений, отношение В. В. Набокова к Л. Н. Толстому, его жизненным принципам и художественному миру представляет интерес для литературоведов, а потому тема творческого взаимодействия двух этих писателей не раз становилась объектом научных исследований. Например, в 2002 г. была написана диссертация М. Р. Михайловой «В. В. Набоков и Л. Н. Толстой, особенности эстетической и литературной рецепции» [5], представляющая собой разноаспектное освещение идейных и эстетических связей набоковского дискурса с литературным наследием Толстого. В статье Н. В. Пасековой «Творчество Л. Н. Толстого в критических оценках В. Набокова» [12], опубликованной в 2012 г., рассматривается создание Набоковым литературно-биографического образа Толстого, ограниченного пространством публицистического текста. В статье 2021 г. А. В. Синюкова «Идейно-

философское наследие Л. Н. Толстого в творчестве В. В. Набокова» [13] анализу подвергается набоковское продолжение традиций Толстого, реализующееся в заимствовании мотивов и тематических направлений, а также в установлении диалогических контактов посредством интертекстуальности. Однако нужно отметить, что все перечисленные работы, хотя и стремятся постичь характер междискурсного взаимодействия Набокова и Толстого, делают это без апелляции к явлению сверхтекста и биографического мифа, как основополагающей для него структуры. Именно этот подход используется нами далее при осуществлении формально-семантического анализа.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе любого ассоциативно-смыслового сверхтекста лежит миф. В случае выявления персонального текста в том или ином художественном дискурсе необходимо провести теоретическую границу между такими литературоведческими понятиями, как собственно «персонический миф» и «литературная репутация». Последний термин, введенный И. Н. Розановым ещё в 1928 г., получил широкое распространение, однако в сравнении с мифом он представляется слишком узким, что, впрочем, не исключает возможности его рассмотрения в качестве части биографического мифа. Литературная репутация, по мнению М. В. Костионовой, формируется из «авторитетных высказываний о личности и творчестве автора и существует в сознании говорящих и читающих» [4, с. 3]. В отличие от нее, миф, во-первых, не ограничен описанием литературных деятелей и может быть посвящен любой общественно значимой личности, а во-вторых, он включает в себя константные представления не только и, может быть, не столько о творческом статусе поэта или писателя, сколько о его биографии, социальных отношениях, характере, поведении и даже внешности. Все эти личностные черты могут обладать как вымышленным, так и вполне реальным характером, а определяющим фактором, позволяющим отнести их к категории мифологем, является специфическое представление о них, образующееся в национальном сознании.

Лев Николаевич Толстой является одной из ключевых фигур в истории русской художественной прозы. Его творчество оказало большое идейно-эстетическое влияние на развитие не только отечественной, но и мировой литературы. Л. Н. Толстой принадлежит к числу немногих писателей, прижизненно получивших глобальное читательское признание, что, как следствие, породило и масштабный биографический миф. Так как большая часть составляющих его мифологем сформировалась к концу жизни писателя, в период трансформации мировоззрения в воспринимающем сознании его образ устойчиво ассоциируется со старостью. В подтверждение данной точки зрения можно привести тот факт, что наиболее популярные портреты Толстого – принадлежащие кисти И. Е. Репина. Как правило, они изображают его в виде седого старца с длинной бородой, в широкой, на крестьянский манер подпоясанной блузе, в то время как портреты с изображением писателя в молодом или зрелом возрасте пользуются меньшей известностью.

В качестве другого важного компонента Толстовского мифа выступает формула «Толстой-проповедник», обоснованная появлением учения и общественного движения – толстовства. На рубеже XIX и XX вв. это движение стало одним из культовых в России, а самого Толстого его последователи начали воспринимать как мудрого наставника или духовного учителя. С его идеями связаны и такие константные установки, как «Толстой-пацифист» и «Толстой-анархист», а применение толстовства на практике вызвало к жизни мифологему «Толстой и опрощение», в становлении которой значительную роль сыграли уже упомянутые ранее картины Репина. В рамках данной мифологической формулы Л. Н. Толстой представляется своеобразным «бариним-крестьянином» или «пахарем», которому не чужды простая, лишенная изысков жизнь и тяжелый сельскохозяйственный труд.

Религиозные расхождения толстовского учения с официальным православием привели к возникновению мифологемы «Толстой и анафема». Подверженная мистификации, данная мифологема переросла в еще более радикальные – «Толстой-еретик» или даже «Толстой-антихрист», не оставляющие никаких сомнений в его виновности как перед церковью, так и перед Богом. Доказательством тому могут служить многочисленные обличительные проповеди Иоанна Кронштадтского, именовавшего писателя «рыкающим львом», тем самым сравнивая его с сатаной, и призывающего к молитвам о его скорой смерти ради избавления русского народа от искушения и заблуждения. Сложные семейные отношения классика, особенно усугубившиеся в свете его новых философских воззрений и получившие отражение в воспоминаниях жены – С. А. Толстой, послужили причиной для постулирования такой мифологической формулы как «Толстой-домашний тиран». Эта мифологема основана главным образом на субъективной позиции супруги писателя, стремившейся таким способом разрешить не только идеологические, но и финансовые разногласия. Неслучайной при таком рассмотрении обстоятельств выглядит и демонизация одного из приближенных Толстого в последние годы жизни – В. Г. Черткова как противника его семьи, принесшего в нее разлад и непонимание, а также предпринявшего попытку посягнуть на ее наследство.

Последней прижизненной мифологемой является «Толстой и уход из дома». Она носит двойственный характер, с одной стороны, коррелируя с охранительной мифологемой «странничество», а с другой – актуализируя в национальном сознании извечно негативные представления, связанные с утратой домашнего очага и разрушением семейного канона. После смерти Толстого миф о нем продолжил активно развиваться и функционировать в русском обществе вообще и в русской литературе в частности. Одни поэты и писатели, следуя толстовской традиции, подчинили персонический миф о нем явлению сакрализации, другие, не разделяя идеологических или эстетических взглядов Толстого, внесли в его образ иронические оттенки, способствующие профанации.

Владимир Набоков известен не только как оригинальный поэт и прозаик, но и незаурядный литературовед, причем литературоведческим характером обладают не только его лекции, интервью и эссе, но и непосредственно художественные произведения, так или иначе касающиеся изображения литературного процесса и знаковых литературных деятелей. Л. Н. Толстой вошел в весьма ограниченный круг

представителей русской литературы, удостоившихся особого места в набоковском литературоцентричном мире, а биографический миф о нем получил необычную интерпретацию, реализовавшись в единой текстовой парадигме.

В интервью Джейн Хоуард, помещенном в сборнике «Строгие суждения», Набоков признавался, что еще в подростковом возрасте (наряду с Шекспиром и Флобером) «перечитал всего Толстого» [9, с. 4], что говорит нам о неизбежном воздействии творчества Толстого на формирование личных художественных взглядов будущего писателя. Когда же Набокову довелось читать американским студентам собственные лекции по русской литературе, он представил им своеобразную шкалу, на которой довольно необычным образом расположил первостепенных прозаиков Золотого века: «Всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвертый – Тургенев» [6, с. 248], причем если Пушкин и Лермонтов не вошли в данную классификацию по причине своей безапелляционной авторитетности, то такие авторы, как Достоевский и Салтыков-Щедрин оказались за пределами рейтинга по воле самого лектора, имевшего принципиальные претензии к их эстетическим взглядам. В качестве иллюстрации к своей шкале Набоков использовал, как известно из воспоминаний его бывшего студента А. Аппеля, постепенное включение электрического света в аудитории, а полное ее освещение, достигаемое проникновением солнечного света через внезапно открытые окна, именовал Л. Н. Толстым. В чем же, по мнению Набокова, заключалось такое явное превосходство писателя по отношению к своим современникам? Ответ на этот вопрос можно найти в уже упомянутых лекциях. По воспоминаниям Ханны Грин, Набоков, говоря о главном произведении классика – романе-эпопее «Война и мир», отмечал следующее: «Сам Толстой в этой книге невидим. Подобно Богу, он везде и нигде» [10, с. 204]. Именно эта способность прозаика показать полноту жизни, не фокусируя внимание на собственном «я» и не перекрывая голоса героев голосом автора, но в то же время оставаясь единственной созидательной силой в тексте, восхищала Набокова. Тем удивительнее кажется более поздний его отзыв о «Войне и мире», данный в интервью Джеймсу Моссмену, где Набоков характеризует творение Толстого как «разухабистый исторический роман», написанный для «рядового читателя» [7, т. 3, с. 417]. Особенно неудовлетворительным, с точки зрения Набокова, оказался навязчивый авторский дидактизм, пронизывающий все полотно произведения. Однако чем же вызвана такая перемена в отношении к любимому литератору и можно ли воспринимать ее как бесповоротное отречение от прежней идеализации? Для полного объяснения специфики набоковского мифа о Л. Н. Толстом обратимся к рассмотрению его экспликации на примере фрагментов художественных текстов.

В стихотворении «Толстой», датированном 1928 г., Набоков в качестве центральной проблемы выдвигает вопрос о Толстовском биографическом мифе, отмечая его еще недостаточную состоятельность в сравнении с Пушкинским. «Картина в хрестоматии: босой / старик. Я поворачивал страницу, / мое воображенье оставалось / холодным» [8, т. 2, с. 592], – так поэт в одной фразе дает общую характеристику всему мифу о Л. Н. Толстом и его современному состоянию. Главные

мифологемы уже сформированы, однако целостной картины составить они еще не могут, а потому не вызывают моментального и бесспорного отклика реципиента, свойственного уже состоявшейся «эпопее». Автор перечисляет материальные носители информации о великом классике (картины, фотографии, аудио- и видеозаписи), которые в первой половине XX в. еще не позволяют читателю провести четкую границу между жизнью Толстого и своей собственной, а следовательно и сформировать полноценный персонический миф. Однако приводимые в пример технические записи, по мнению поэта, уже намечают основные вехи мифологического сюжета, выделяя особенно яркие черты главного его героя: «Еще хранит на грампластинке / Звук голоса его: он вслух читает, / Однообразно, торопливо, глухо, / И запинаясь на слове “Бог”, / И повторяет: “Бог”, и продолжает / Чуть хриплым говорком...» [8, т. 2, с. 593] или «старик невзрачный, роста небольшого, / с растрепанною ветром бородой / проходит мимо скорыми шажками, / сердясь на оператора» [8, т. 2, с. 593], – таким образом запись писательского голоса дает возможность не только определить особенности манеры чтения Толстого, но и художественно обозначить сложность и противоречивость его религиозного чувства, отраженного Набоковым с помощью запинки во время чтения и сопоставления затрудненной хрипловатой речи с речью пассажира поезда, прерываемой остановкой вагона. Упомянутая в стихотворении пленка дает неоднозначное представление не только о внешности писателя (перед лирическим героем предстает ветхий старик, передвигающийся семенящей походкой, вместо могучего, богатырского сложения старца), но и о его скверном характере (старик сердится на снимающего его оператора), и о негативном отношении к популяризации собственного быта. Единственной настоящей тайной, связанной с биографией Толстого, которую невозможно приоткрыть и исследовать посредством инновационных технологий, Набоков считает тайну литературного творчества. Поэт уверен в том, что великий предшественник писал свои знаменитые произведения под покровом ночи, и хотя данное предпочтение в биографических источниках опровергается (напротив, в воспоминаниях жены есть замечания о творческой активности в дневное время, когда писатель отказывался от решения бытовых проблем, общения с друзьями и развлечений, полностью концентрируясь на работе), именно это время суток Набоков в своем тексте ассоциативно соединяет с образом пишущего гения. Выбор его падает на ночь, очевидно, по той причине, что как раз темный период в архетипическом сознании произвольно соотносится с тайным, запретным, священным, что нашло отражение еще в долитературном, фольклорном дискурсе. Так, большинство сюжетов народных сказок активизируется ночью, ночью пробуждаются и действуют потусторонние силы, ночью героями принимаются судьбоносные решения. В связи с этим ночное творение чуда, приписываемое Толстому Набоковым, становится вполне объяснимым, так как употребляется не для оспаривания биографического факта, а для создания очередной уникальной мифологической формулы.

Неожиданную трактовку в стихотворении «Толстой» получает и мифологема о смерти писателя. Набоков отказывается от привычного ее понимания и предлагает читателю рассматривать прекращение жизни не в физическом плане, а в творческом. Для него литератор умирает только тогда, когда перестает писать, а потому и уход

Толстого из дома он окружает атмосферой таинственности, тем самым превращая реальный фрагмент биографии в индивидуально-авторскую легенду: «Однажды он со станции случайно / в неведомую сторону свернул, / и дальше – ночь, безмолвие и тайна...» [8, т. 2, с. 594]. Толстой в художественном пространстве Набокова не совершает переход в загробный мир, а лишь уходит в бесконечное странствие, наблюдение за которым уже недоступно ни читателю, ни лирическому герою.

Еще более широкое распространение миф о Л. Н. Толстом получает в прозаических произведениях В. В. Набокова. Особое внимание писатель уделяет, как ни странно, именно портретным характеристикам. Причем из романа в роман он последовательно акцентирует одну и ту же деталь толстовского портрета – нос. Например, в произведении «Отчаяние», написанном в 1934 г., главный герой, споря с изображающим его художником, приводит ряд типичных физиономий в попытке доказать принадлежность собственного лица к одной из них: «Мне говорили, что я смахиваю на Амундсена. Мне приходилось не раз видеть носы а-ля Лев Толстой» [8, т. 3, с. 421]. В этом отрывке характерная портретная черта Толстого еще не становится объектом мифологизации, нос только выделяется героем среди других черт как наиболее подходящая для идентификации целого типажа. В другом романе под названием «Приглашение на казнь», написанное так же, как и «Отчаяния», приходится на 1930-е годы, Набоков вновь приступает к созданию визуального мифообраза Толстого, прибегая к акцентировке того же портретного элемента. Например, описывая кукол в мастерской Цинцинната, автор замечает следующее: «Тут был и маленький волосатый Пушкин в бекеше, и похожий на крысу Гоголь в цветистом жилете, и старичок Толстой, толстоносенький, в зипуне...» [8, т. 4, с. 58]. Интересно, что если при формировании мифа о Пушкине для концентрации всего его образа в одной визуальной детали Набоков выбирает «бакенбард», нашедший наглядное воплощение в одном из эпизодов романа «Пнин», то в случае с Толстым такой обобщающей чертой является нос. Стоит также отметить, что кроме «толстого носа» в рассматриваемом фрагменте появляется еще и типичный для Толстовского мифа элемент одежды – «зипун», который порождает прямую отсылку к мифологеме об опрошении. Дело в том, что зипун как предмет верхней одежды относится, прежде всего, к простонародному гардеробу, отдельные компоненты которого внедрял в свой костюм и Л. Н. Толстой, стремясь приобщиться к крестьянскому укладу жизни как бытовому идеалу. Идея реализации этой мифологемы через упоминание зипуна Набокову не принадлежит, однако сам факт употребления такой стереотипной ассоциации свидетельствует не только о поддержании осевой мифологической модели, но и об оригинальной стратегии составления ее авторской версии, заключающейся в компоновке нарочито стандартных и совершенно новаторских формул.

Продолжая тему опрошения, выражаемую Набоковым в совокупности внешних характеристик, нельзя не упомянуть одного из героев автобиографической книги 1954 года – «Другие берега». Описание деревенского учителя, нанятого для обучения детей русскому языку, сводится к непосредственному сопоставлению его с Толстым: «У него было толстовского типа широконосое лицо, пушистая плешь, русые усы и светло-голубые, цвета моей молочной чашки, глаза с небольшим интересным

наростом на одном веке» [8, т. 5, с. 153]. Исследователю необходимо понимать, что широконосое лицо здесь не просто одна из составляющих портрета толстовского типа, но и своеобразная смысловая деталь, способствующая указанию на происхождение персонажа, поскольку толстый или широкий нос через личность Толстого роднит его и с одним из общерусских национальных типов внешности. В свою очередь, Л. Н. Толстой благодаря такой прецедентной (вместе с тем типобразующей) визуальной особенности ещё раз фактически сближается в представлении автора с народом и крестьянством. Примечательно, что сходство учителя с великим русским писателем не ограничивается носом: он так же, как и Толстой, придерживается некоторых пацифистских воззрений, в частности, исповедует непротивление злу насилием, чем вызывает возражение юного рассказчика, не принимающего возможности оставить кровопролитие безнаказанным.

Одной из самых неординарных набоковских реализаций портретного мифа является эпизод из романа «Пнин», где главный герой повествует аспирантке Бетти Блисс о жизни известных русских поэтов и писателей: «а мадам Пушкина сказала: “Надоел ты мне со своими стихами, Пушкин”, – а уже старая – подумать только! – жена исполина, исполина Толстого гораздо сильнее, чем его, любила красноносого дурака-музыканта!» [7, т. 3, с. 42]. Под «красноносым дураком-музыкантом» Набоков подразумевает позднее платоническое увлечение Софьи Андреевны Толстой – композитора Александра Сергеевича Танеева, – однако внимание наше привлекает не столько достоверность приведенного факта, хотя он и не лишен истины, сколько способ введения в рассказ незнакомой для слушающей героини персоны. Автор опять характеризует личность посредством одной портретной черты – носа, ироническое изображение которого явно занижает образ его обладателя, в то время как та же портретная деталь при изображении Толстого используется как позитивная характеристика.

Еще одним визуальным маркером, связанным с личностью писателя, для Набокова является цвет. Он применяет его в организации второго плана мифологических характеристик, функционирующих в контексте общего персонического мифа о Л. Н. Толстом и служащих для обозначения его творческой аутентичности. Главный герой романа «Дар», дискутируя с Кончеевым о таланте Н. С. Лескова, выдвигает в числе одобрительных аргументов частое использование автором синего цвета для создания зримых образов: «Отмечаю, что у него латинское чувство синевы: *lividus*. Лев Толстой, тот был больше насчет лилового...» [8, т. 4, с. 257]. Ученые (Н. Н. Апостолов, И. Паперно) предполагают, что Набоков проводит эту цветовую ассоциацию, опираясь на исследование Шкловского «Матерьял и стиль в романе Льва Толстого “Война и мир”», где обнаруживается стабильное предпочтение классиком лилового цвета, употребляемого им при необходимости осуществления какой-либо колоризации [1; 11]. С нашей позиции, такое суждение может соответствовать действительности, однако В. В. Набоков, интегрируя эту информацию в текст собственного романа, придает ей новые смыслы и функции. Лиловый цвет становится своего рода показателем максимального таланта художника, а использование тем или иным литератором цветов, близких лиловому,

но отличающихся от него тоном и насыщенностью, свидетельствует о меньшей степени одаренности в сравнении с Толстым. Из этого следует, что не только детали портрета, мировоззренческие приоритеты или яркие жизненные события, но и необычные предпочтения, пристрастия или бытовые привычки могут из реального (или нереального) факта превратиться в акцентную часть мифологической картины.

При наблюдении достаточно явной сакрализации персонального мифа о Л. Н. Толстом в творчестве В. В. Набокова можно заметить и отдельные фрагменты произведений, которые если не напрямую профанируют идеальный образ писателя, то абсолютно точно носят неоднозначный иронический характер. Например, в уже названном выше романе «Дар» (1938 г.) своеобразный идейный центр составляет четвертая глава, являющая собой биографический роман о Н. Г. Чернышевском, созданный главным героем набоковского произведения – Годуновым-Чердынцевым. Чернышевский в этой главе изображен в предельно комичном виде и никоим образом не может выступать как носитель точки зрения, приближенной к авторской (ни Годунова-Чердынцева, ни Набокова), однако именно его высказывания о Толстом конструируют отрицательную линию мифологического сюжета, а высокий уровень иронии и сарказма, с помощью которых этот профанный миф эмоционально окрашивается, делают необходимыми не только констатацию факта его возникновения, но и признание возможности его функционирования в качестве полноценной альтернативы сакральному. Так, в разговоре с одним из литературных критиков Чернышевский признается: «да-с, графский-то титул и сделал из Толстого великого-писателя-земли-русской» [8, т. 4, с. 431], – такая оценка, разумеется, не является релевантной; она призвана «высветить» негативные черты Чернышевского-персонажа: предсрассудки, свойственные человеку низкого происхождения, подчиненность центральной (социальной) повестке, подверженность чувству зависти.

Не меньший интерес представляет и то обстоятельство, что к описательным характеристикам Чернышевского Набоков перманентно привлекает образы прозаиков первого ряда, прямо или косвенно выражающих свое отношение: «У него был особенный тихий смешок (Толстого Льва бросавший в пот) <...> Есть, есть классовый душок в отношении к Чернышевскому русских писателей, современных ему. Тургенев, Григорович, Толстой называли его “клоповоняющим господином”, всячески между собой над ним измываясь» [8, т. 4, с. 427]. Нужно заметить, что эти замечания не имеют под собой никакой реальной основы и не могут быть подтверждены биографическими сведениями или воспоминаниями современников, поскольку в действительности Толстой и Чернышевский не состояли в какой-либо конфронтации, а напротив, вполне одобрительно друг о друге высказывались. Комичное изображение пренебрежения к Толстому со стороны Чернышевского Набоков использует для актуализации таких профанных мифологем, как «Толстой-барин» или «Толстой-граф». Основываются они на высмеивании неспособности писателя к исповедуемому им опрощению. Став заложником своего происхождения, он, согласно данным мифологическим представлениям, с болезненным высокомерием и презрением смотрит на литераторов из социал-демократической среды: «Толстой не выносил нашего героя: “Его так и слышишь, – писал он о нем, – тоненький неприятный голосок, говорящий тупые неприятности...”» [8, т. 4, с. 428].

Однако наиболее агрессивная и унижительная для Л. Н. Толстого мифологическая характеристика принадлежит не автору-повествователю, а опять-таки Чернышевскому-персонажу, который, ища покровительства Тургенева (с коим у Толстого были разногласия), не задумываясь, подвергает его литературного оппонента открытому осмеянию: «“Нисший”, впрочем, не оставался в долгу и, зная, как Тургеневу дорого всякое словечко против Толстого, щедро говорил о “пошлости и хвастовстве” последнего, “хвастовстве бестолкового павлина своим хвостом, не прикрывающим его пошлой задницы” и т. д.» [8, т. 4, с. 428]. Дерзкое сравнение с павлином, которое использует Чернышевский-персонаж, в очередной раз указывает на чрезмерную гордость и напыщенность Толстого, проявляемую им по отношению к «нисшим» писателям, то есть располагающимся на более низкой ступени социальной лестницы. Такое подчеркнуто карикатурное изображение Толстого апеллирует к одной из редчайших мифологем в составе его биографического мифа – «Толстой-сноб». Как ни удивительно, но при всей своей комичности именно она оказывается в конечном итоге близка и самому автору, которому также не было чуждо презрительное отношение к классовым или культурным недостаткам личности. Учитывая же, что творческое мировоззрение Чернышевского Набоков не разделял никогда, а эстетические взгляды Толстого принимал в качестве эталона, становится ясно, что даже в таком саркастическом представлении образ последнего вызывает у него симпатию.

ВЫВОДЫ

Набоков принимает и поддерживает биографический миф о Л. Н. Толстом, однако интерпретирует его по-своему. Помещая в авторский текст мифологический образ писателя, он наделяет его сакральными чертами и свойствами. Зачастую Толстой в его представлении – это гигант, исполин в пространстве литературного творчества и невзрачный седой старичок с толстым носом в области эмпирической, но даже в этой достаточно «заземленной» ипостаси он является для Набокова идеалом, достойным бессмертия. Однако, наряду с такими безоговорочно лестными характеристиками, образующими мифический ореол, в набоковском дискурсе существует и пласт иронических комментариев, дающих возможность читателю увидеть всестороннее изображение одного из крупнейших представителей русской словесности.

Итак, система литературоведческих взглядов Набокова, как уже было отмечено ранее, представляет собой строгую авторскую иерархию, творчески воплощенную в сложном единстве именных сверхтекстов. Причем если роль безусловного литературного гения Набоков закрепляет за А. С. Пушкиным, а максимально низкую из возможных оценок бескомпромиссно присваивает Ф. М. Достоевскому, то Л. Н. Толстой, несомненно, выступает как абсолют в сфере отечественной прозы, однако тотальной сакрализации, в отличие от Пушкина, не подвергается, о чем свидетельствует наличие образов, созданных с помощью приемов комического. В целом же, набоковский текст о Толстом отличается не только разнообразием форм реализации, но и функциональной многогранностью, разрешая внутритекстовые художественные задачи и эксплицируя металитературные связи.

Список литературы

1. *Апостолов Н. Н.* «Лиловый» цвет в творчестве Толстого. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/apostolov-lilovyj-cvet-v-tvorchestve-tolstogo.htm>. – (Дата обращения: 14.10.2023).
2. *Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.* Именной сверхтекст в творчестве В. В. Набокова. Статья 1: Пушкинский текст // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – № 4. – С. 15–26.
3. *Беспалова Е. К., Шмигельская Л. Р.* Именной сверхтекст в творчестве В. В. Набокова. Статья 2: Достоевский – «антитекст» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – № 1. – С. 16–26.
4. *Костионова М. В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – М., 2015. – 26 с.
5. *Михайлова М. Р.* В. В. Набоков и Л. Н. Толстой, особенности эстетической и литературной рецепции: Дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. – Псков, 2002. – 175 с.
6. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 446 с.
7. *Набоков В. В.* Собр. Соч. американского периода: [пер. с англ.] / Сост. С. Б. Ильина и А. К. Кононова. – СПб.: Симпозиум, 2004–2008.
8. *Набоков В. В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 2004–2009.
9. *Набоков В. В.* Строгие суждения. – М.: КоЛибри, 2018. – 416 с.
10. *Набоков В. В.* Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. – СПб.: РХГИ, 1997. – Т. 1. – 974 с.
11. *Паперно И.* Как сделан «Дар» Набокова. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/paperno-kak-sdelan-dar-nabokova.htm>. – (Дата обращения: 14.10.2023).
12. *Пасекова Н. В.* Творчество Л. Н. Толстого в критических оценках В. Набокова // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2012. – № 6 (2). – С. 121–127.
13. *Синюков А. В.* Идеино-философское наследие Л. Н. Толстого в творчестве В. В. Набокова // По итогам XVII Барышниковских чтений: Мат-лы Всероссийской научной конференции (Липецк, 11–12 октября 2021 г.). – Липецк: Изд-во ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 151–155.

References

1. *Apostolov N. N.* "Lilovyj" cvet v tvorcestve Tolstogo [The "purple" color in Tolstoy's work]. Available from: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/apostolov-lilovyj-cvet-v-tvorchestve-tolstogo.htm>. (Accessed: 14 October 2023).
2. *Bespalova Ye. K., Shmigelskaya L. R.* Imennoj sverxtekst v tvorcestve V. V. Nabokova. Stat`ya 1: Pushkinskij tekst [Pushkin's text in the works of V. V. Nabokov]. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 15–26.
3. *Bespalova Ye. K., Shmigelskaya L. R.* Imennoj sverxtekst v tvorcestve V. V. Nabokova. Stat`ya 2: Dostoevskij – «antitekst» [Nominal supertext in the works of V. V. Nabokov. Article 2: Dostoevsky – "antitext"]. *Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 16–26.
4. *Kostionova M. V.* Literaturnaja reputacija pisatelja v Rossii: perevod kak otrazhenie i faktor formirovanija (russkie perevody romana Ch. Dikensa «Zapiski Pikvikskogo kluba»). *Avto-ref. diss. ... kand. filol. nauk.* [Literary reputation of a writer in Russia: translation as a reflection and a factor of formation (Russian translations of the novel by Charles Dickens "Notes of the Pickwick Club"). Thesis abstract]. Moskva, 2015. 26 p.

5. Mihajlova M. R. V. V. Nabokov i L. N. Tolstoj, osobennosti e`steticheskoj i literaturnoj recepcii. *Dis. ... dokt. filol. nauk*: [V. V. Nabokov and L. N. Tolstoy, features of aesthetic and literary reception/ Thesis]. Pskov, 2002. 175 p.
6. Nabokov V. V. *Lekcii po russkoj literature* [Russian literature lectures]. Sankt-Peterburg, Azbuka-klassika Publ., 2010. 446 p.
7. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda* [Collected works of the American period] : in 5 v. Sankt-Peterburg, Simpozium Publ., 2004–2008.
8. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenij russkogo perioda* [Collected Works of the Russian Period] : in 5 v. Sankt-Peterburg, Simpozium Publ., 2004–2009.
9. Nabokov V. V. *Strogie suzheniya* [Strict judgments]. Moskva, KoLibri Publ., 2018. 416 p.
10. Nabokov V. V. *Pro et contra. Lichnost` i tvorcestvo Vladimira Nabokova v ocenke russkix i zarubezhny`x my`slitelej i issledovatelej. Antologiya* [Pro et contra. The personality and creativity of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. Sankt-Peterburg : RHGI, 1997, Vol. 1. 974 p.
11. Paperno I. *Kak sdelan "Dar" Nabokova* [How Nabokov's "Gift" was made]. Available from: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/paperno-kak-sdelan-dar-nabokova.htm>. (Accessed: 14 October 2023).
12. Pasekova N. V. *Tvorcestvo L. N. Tolstogo v kriticheskix ocenax V. Nabokova* [The work of L. N. Tolstoy in the critical assessments of V. Nabokov]. *Mirovaya literatura na perekrest`e kul`tur i civilizacij*, 2012, no. 6 (2), pp. 121–127.
13. Sinyukov A. V. *Idejno-filosofskoe nasledie L. N. Tolstogo v tvorcestve V. V. Nabokova* [The ideological and philosophical legacy of L. N. Tolstoy in the works of V. V. Nabokov]. *Po itogam XVII Bary`shnikovskix chtenij: Mat-ly` Vserossijskoj nauch. konf. (Lipeck, 11–12 oktyabrya 2021)*. Lipeck: LGPU imeni P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo Publ., 2021, pp. 151–155.

NOMINAL SUPERTEXT IN THE WORKS OF V. V. NABOKOV. ARTICLE 3: TOLSTOY'S TEXT

Bespalova Ye. K., Shmigelskaya L. R.

The third article of the series is devoted to one of the most pressing problems of modern literary criticism – the problem of supertext. The focus of this study is the nominal supertext in the work of the Russian-American writer V. V. Nabokov, distinguished by its diversity, variability of textual representations and multifunctional orientation. The purpose of the proposed work is to identify and systematize the features of the construction of a personal text about Leo Tolstoy as one of the most important actors of world classical literature, reflected in the artistic and journalistic heritage of this author. The scientific novelty is due to the fact that the comprehension of literary connections between Tolstoy and Nabokov through the identification of associative-semantic supertext in the conceptualized space of the latter is carried out for the first time. Since in the previous works that make up the cycle, two polar opposite personalities have already been identified (A. S. Pushkin and F. M. Dostoevsky), forming the central concept opposition.

Keywords: biographical myth, personal supertext, Tolstoy's text, sacralization, irony, Nabokov discourse.